

Д.Ф. Купер

**Собрание сочинений в 7
томах**

**Том 3. Историческая проза,
приключения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К92

К92 **Купер Д.**
Собрание сочинений в 7 томах: Том 3. Историческая проза, приключения / Д.
Ф. Купер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 408 с.

ISBN 978-5-458-27953-6

В третий том вошел роман «Последний из могикан, или повесть о 1757 го-
де». Перевод П. Мелковой.

ISBN 978-5-458-27953-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, который раскроет эту книгу в надежде найти в ней вымышленную романтическую картину событий, никогда не имевших места в действительности, по всей вероятности, разочарованно отложит ее в сторону. Сочинение наше представляет собой то, что обещает надпись на его титульном листе, а именно — повесть о 1757 годе. Но поскольку описаны в нем происшествия, о которых, может быть, осведомлены не все и особенно маловероятно, чтобы о них известно было тем наделенным богатым воображением представителям прекрасного пола, кои, приняв книгу за роман, соизволят прочесть ее, интересы автора побуждают его сделать кое-какие малоизвестные исторические ссылки. Необходимость этого подсказана ему горьким опытом, нередко убеждавшим его, что стоит любому предмету, сколь ни мало он знаком публике, предстать на строгий ее суд, как каждый читатель в отдельности и все они вместе проникаются убеждением, — хотя, должен добавить, произвольным, — будто знают об этом предмете больше, нежели человек, знакомящий их с ним; в то же время, — как это ни противоречит изложенному выше бесспорному факту, — автор пошел бы на весьма небезопасный эксперимент, полагаясь на чью-либо фантазию, кроме собственной. Поэтому ни одна подробность, которую можно объяснить, не должна оставаться загадкой. Подобный опыт доставил бы своеобразное удовольствие лишь тем редким читателям, которые находят странное наслаждение в том, чтобы тратить боль-

ше времени на домысливание книг, чем денег на их покупку. Дав это предварительное объяснение причин, побудивших автора употребить столь большое число непонятных слов в самом начале повествования, он и приступает к своей задаче. Разумеется, речь здесь не пойдет, да и не может идти о том, что уже известно людям, мало-мальски знакомым с индейскими древностями.

Величайшая трудность, встающая перед каждым, кто занимается историей краснокожих, заключается в вопиющей путанице имен и названий. Однако, если вспомнить, что эту путаницу поочередно и по праву победителей насаждали голландцы, англичане и французы, а туземцы, говорящие не только на родных языках, но и на множестве производных от них диалектов, еще усугубляли ее, подобная трудность становится скорее предметом сожалений, нежели удивления. Нам же остается лишь надеяться, что, встретив на страницах книги какие-либо неясности, читатель оправдает их вышеизложенными причинами.

Когда на огромном пространстве от Пенобскота до Потомака и от Атлантического океана до Миссисипи появились европейцы, они застали эту огромную область во власти народности, происходящей от единого корня. Кое-где границы ее бескрайних владений несколько расширялись за счет соседних племен или, напротив, сужались под их напором, но в общих чертах занимаемая ею территория была именно такова. Родовое имя этой народности было уапанаки, сами же представители ее любили называть себя лениденапе, что означает «люди несмешанной крови». Перечисление даже половины общин и племен, на которые делилась эта народность, непосильная задача для автора. У каждого племени было свое имя, свои вожди, свои охотничьи угодья и — нередко — свой особый диалект. Подобно старинным феодальным княжествам, эти племена воевали между собой и пользовались большинством прочих привилегий суверенного государства. Тем не менее они признавали общность происхождения, языка и тех нравственных устоев, которые с такой удивительной стойкостью поддерживались

традицией и обычаем. Одна из ветвей этой многочисленной народности жила на живописных берегах реки под названием Ленапухиттак, где с общего согласия находился «Длинный дом» или «большой костер совета» всех этих родственных племен.

Областью, которая обнимает сейчас юго-восточную часть Новой Англии, равно как лежащую к востоку от Гудзона территорию штата Нью-Йорк, и землями, простирающимися еще дальше к югу, владело в те времена могучее племя, называвшее себя «махиканни» или — что привычнее нам — «могикане». Это последнее название принято у нас теперь повсюду.

Могикане тоже не представляли собой единого целого. Они оспаривали у своих соседей, владевших «Длинным домом», право считаться самой древней ветвью народности, а уж их притязания на звание «старшего сына» их общего «праотца» никто не ставил под сомнение. Естественно, что именно эта древнейшая часть исконного населения страны первой лишилась своих земель в результате прихода белых. Немногие уцелевшие еще представители ее затерялись среди других племен, не сохранив никаких памятников бывшего могущества и славы, кроме печальных воспоминаний.

Племя, охранявшее священные угодья, где помещался «дом совета», испокон веков называло себя лестным прозвищем «ленапе», но, когда англичане переименовали реку в «Делавар», этим же словом стали обозначать себя и обитатели ее берегов. Равно пользуясь обоими терминами, они в разговорах между собой очень тонко передавали двумя этими словами различные смысловые оттенки. Последние — весьма характерная особенность языка делаваров, которая вносит задушевность в общение их друг с другом и придает энергический пафос их красноречию.

Вдоль северной границы владений ленапе на много сотен миль протянулись земли другой народности, родственной им по происхождению, языку и внутривременной структуре. Соседи называли ее «менгуэ». Эти северные дикари довольно долго были менее могущественны

и едины, чем ленапе. Стремясь изменить это невыгодное для них положение, пять наиболее сильных и воинственных племен менгуэ, живших ближе всего к «дому совета» своих соперников, объединились в целях взаимозащиты; в сущности, они основали наиболее древнюю федеральную республику в истории Северной Америки. Этими племенами были могауки, онейда, сенека, кайюга и онондага. Позднее в это сообщество была возвращена и признана его полноправным членом со всеми соответствующими политическими привилегиями еще одна оторвавшаяся и «ушедшая ближе к солнцу» ветвь народности менгуэ. Поскольку с включением этого племени (тускароора) число членов федерации возросло, англичане переименовали «Союз пяти племен» в «Союз шести племен». В ходе нашего повествования читатель увидит, что мы иногда употребляем слово «племя» применительно к роду, а иногда — к народности в самом широком смысле. Соседи индейцы часто называли менгуэ макуасами, а порою, презрительно, мингами. Французы окрестили их ирокезами, прозвищем, которое, видимо, представляет собой искаженную форму какого-то французского слова.

Истории доподлинно известно, какими постыдными уловками голландцы, с одной стороны, и менгуэ, с другой, сумели убедить ленапе разоружиться, доверить защиту своих интересов менгуэ и тем самым, по образному выражению туземцев, «превратиться в женщин». Такой шаг голландцев, при всем его кажущемся великодушии, оказался верным политическим ходом. С этого момента началось падение крупнейшего и наиболее цивилизованного из индейских племен, проживавших в нынешних пределах Соединенных Штатов. Обкрадываемые белыми, истребляемые и угнетаемые дикарями, делавары еще какое-то время держались вокруг своего костра совета, но в конце концов распались на отдельные роды и ушли искать прибежища в пустынях Запада. Подобно гаснущей лампе, слава их вспыхнула наиболее ярко в тот момент, когда они уже вымирали.

Об этой любопытной народности и ее позднейшей истории можно было бы рассказать много больше, но

мы полагаем, что это не существенно для композиции нашего произведения. С кончиной благочестивого, достойного и многоопытного Хекиуэлдера источник сведений о делавах иссяк, и эта потеря, как мы опасаемся, никем уже не будет восполнена. Он долго и упорно трудился на благо злополучного племени, стараясь не только очистить его нравы, но, в равной степени, восстановить его доброе имя.

С этим кратким предисловием к предмету изложения автор вверяет свою книгу читателю. Однако, движимый если уж не чувством справедливости, то, во всяком случае, честностью, он рекомендует всем молодым леди, чьи представления обычно ограничены четырьмя стенами комфортабельной гостиной, холостым джентльменам, склонным принимать слухи на веру, а также духовным лицам отказаться от намерения прочесть этот томик, коль скоро последний попадется им под руку. Он дает этот совет подобным молодым леди потому что, прочтя его книгу, они объявят ее неприличной; холостякам — потому, что она может нарушить их сон; почтенному же духовенству — потому, что оно способно найти себе более полезное занятие.

ГЛАВА I

Мой слух открыт, моя душа готова.
Ты сообщишь лишь о земных потерях?
Державу потерял я?

Шекспир. «Король Ричард II»¹.

Отличительная особенность колониальных войн в Северной Америке заключалась в том, что, прежде чем сойтись в кровавом бою, обеим сторонам приходилось претерпевать невзгоды и опасности скитаний по дикому краю. Владения враждовавших меж собой Франции и Англии были отделены друг от друга широкой полосой почти непроходимых лесов. Отважный колонист и вымуштрованный европеец, сражавшиеся бок о бок, тратили порой долгие месяцы на борьбу с речными порогами и крутыми горными тропами, лишь после этого обретая возможность проявить свою храбрость в столкновении, более привычном для солдата. Но, соревнуясь в терпении и самоотверженности с туземными воинами, они научились преодолевать любые трудности, и не было, казалось, таких непроглядных чащ, таких укромных уголков леса, куда не вторгались бы люди, готовые положить жизнь, мстя за личные обиды или во имя эгоистической политики далеких европейских монархов.

Быть может, на всем бесконечном пограничном рубеже не было места, которое наглядней свидетельствовало бы о жестоком, варварском и беспощадном характере тогдашних войн, чем область между истоками Гудзона и соседними озерами.

Местность там от природы чрезвычайно удобна для передвижения войск, а это — преимущество, которым не следовало пренебрегать. Озеро Шамплейн, широкой полосой протянувшееся от границ Канады в глубь соседнего штата Нью-Йорк, представляло собой естественный путь сообщения, следуя по которому французы покрывали почти половину расстояния, отделявшего их от не-

¹ Перевод А. И. Курошевой.

приятеля. У южной оконечности Шамплейна с ним сливается другое озеро, чьи воды столь прозрачны, что миссионеры-иезуиты облюбовали его для символического свершения над туземцами обряда крещения и соответственно нарекли озером Святых даров. Англичане, люди менее набожные, решили, что окажут незамутненным волнам этого озера достаточную честь, присвоив ему имя правившего тогда Великобританией короля, второго из Ганноверского дома. Но и англичане и французы оказались едины в одном: они лишили простодушных владельцев этих лесистых мест права и впредь называть озеро его исконным туземным именем Хорикэн.

Извиваясь между бесчисленными островками, Святое озеро, окаймленное невысокими горами, простирается еще на добрый десяток лье к югу. Там, от плоскогорья, преграждающего водам дальнейший путь, начинался встарь многомильный волок, по которому путешественник выбирался к берегам Гудзона как раз в том месте, где кончаются столь частые в верховьях пороги или перекаты, как их называли тогда жители нашей страны, и река становится судоходной.

Нетрудно догадаться, что, осуществляя свои смелые воинственные замыслы и в своей неустанной предприимчивости добираясь даже до отдаленных и недоступных ущелий Аллеган, французы, наблюдательность которых вошла в поговорку, не могли не заметить естественных преимуществ описанной нами выше местности. Она прежде всего и стала той кровавой ареной, где разыгрались главные сражения за владычество над североамериканскими колониями. В различных пунктах, господствующих над путями сообщения, воздвигались форты, которые переходили из рук в руки, разрушались и вновь отстраивались в зависимости от того, кому улыбалась фортуна. Пока мирные земледельцы уходили подальше от опасных горных проходов и укрывались за надежными стенами старинных поселений, целые армии, порой еще более многочисленные, нежели те силы, которыми располагали правители в метрополиях, находили себе могилу в здешних лесах, откуда возвращалась лишь горстка людей, сломленных тяготами похода или подавленных поражением.

Несмотря на то, что мирные ремесла не прививались в этом зловещем крае, леса его кишели людьми, поляны

и лощины то и дело оглашались военной музыкой, а эхо разносило по горам то смех, то боевой клич множества юных храбрецов, стекавшихся сюда, чтобы в расцвете сил погрузиться в бесконечную ночь забвения.

Именно здесь, на этой обагренной кровью земле, в третий год последней войны между Англией и Францией за обладание краем, удержать который, к счастью, не суждено было ни той, ни другой, и произошли события, чей ход мы попытаемся описать.

Бездарность военачальников в заморских владениях и пагубная нерешительность министров в метрополии низвергли престиж Великобритании с тех гордых высот, на которые вознесли его таланты и отвага ее бывших полководцев и государственных мужей. Она давно перестала внушать страх врагам, и слуги ее быстро утрачивали спасительное самоуважение, этот залог уверенности в своих силах. Колонисты, не повинные в промахах метрополии и слишком незначительные в ее глазах для того, чтобы помешать ей делать новые ошибки, оказались тем не менее сопричастны ее постыдному унижению. Совсем недавно они стали очевидцами того, как отборная армия, приплывшая из страны, которую они почитали своей матерью и в непобедимость которой свято верили, армия во главе с полководцем, избранным за свои незаурядные военные дарования из множества самых опытных военачальников, была позорно разгромлена горстью французов и индейцев и спасена от полного истребления лишь благодаря хладнокровию и мужеству духа юноши-виргинца, чья стойкость и высокий дух сделали его с тех пор знаменитым в самых отдаленных уголках христианского мира. Это непредвиденное поражение оставило беззащитной значительную часть границы, и бедствия, действительно угрожавшие населению, усугубились множеством мнимых опасностей и страхов. В каждом порыве ветра, доносившемся из бескрайних лесов на Западе, встревоженным колонистам чудился боевой крик дикарей. Жестокость их беспощадных врагов неизмеримо усиливала испуг, вселяемый в мирных людей неизбежными ужасами войны. В их памяти были еще свежи бесчисленные случаи кровопролития во время предыдущих войн, и не было на территории провинции человека, остававшегося безучастным к страшным рассказам о полных убийствах, где главными действующими лицами

выступали туземные обитатели лесов. Когда легковверный и слишком возбужденный путешественник повествовал о рискованных приключениях в лесу, то даже в крупнейших городах, которым не угрожала никакая опасность, у робких людей кровь стыла от ужаса, и матери бросали тревожные взгляды на своих мирно спавших детей. Короче говоря, всеобщая и все нараставшая паника сводила на нет любые доводы разума и превращала тех, кому следовало бы помнить о том, что они мужчины, в рабов самой низменной из человеческих слабостей. Даже в сердца наиболее твердых и стойких закралось сомнение в благополучном исходе войны, и число малодушных, уже предвидевших, что вскоре все английские владения в Америке достанутся французам или будут опустошены их безжалостными союзниками-индейцами, возрастало с каждым часом.

Вот почему, когда весть о том, что Монкальм появился на Шамплейне с войском, «несметным, как листья в лесу», достигла форта, господствовавшего над южным концом волока между Гудзоном и озерами, она была встречена там скорее с робкой покорностью людей, приверженных к мирным занятиям, нежели с мрачной радостью, которая приличествует воинам, узнавшим о близости врага. Известие это, вместе с настоятельной просьбой Манроу, коменданта форта на берегу Святого озера, немедленно прислать ему сильное подкрепление, было доставлено гонцом-индейцем под вечер летнего дня. Мы уже упоминали, что расстояние между двумя этими укреплениями не превышало пяти миль. Лесная тропа, первоначально соединявшая их, была затем расширена, чтобы по ней могли проходить повозки, так что расстояние, которое сын леса прошел бы за два часа, военный отряд с надлежащим обозом мог покрыть между восходом и заходом летнего солнца. Первой из этих лесных твердынь верные слуги британской короны дали имя форта Уильям-Генри, второй — форта Эдуард, назвав каждую в честь одного из принцев царствующего дома. Только что упомянутый ветеран-шотландец Манроу командовал фортом Уильям-Генри, где стоял полк регулярных войск и небольшой отряд колонистов, гарнизон, бесспорно, слишком малочисленный, чтобы противостоять грозной силе, которую Монкальм вел к земляным валам форта. Во втором укреплении, однако, на-

ходилась командующий королевскими армиями в северных провинциях генерал Вэбб с гарнизоном в пять с лишним тысяч человек. Стянув туда еще несколько частей из тех, что состояли у него под началом, он мог добиться почти двойного превосходства в силах над предприимчивым французом, рискнувшим отдалиться на такое большое расстояние от источника подкреплений с армией, лишь немного превышающей армию противника.

Однако, подавленные неудачами, английские командиры и солдаты предпочитали отсиживаться в укреплениях и дожидаться там грозного врага, вместо того чтобы последовать удачному примеру французов у форта Дюкен и остановить продвижение противника, нанеся ему удар на подходе.

После того как улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, по всему английскому лагерю, который протянулся вдоль берега Гудзона в виде цепи отдельных укреплений, прикрытых траншеями и, в свою очередь, прикрывавших самое крепость, разнесся слух, что на рассвете отборный полуторатысячный отряд выступит в форт Уильям-Генри, к северному концу волока. Этот первоначальный слух вскоре подтвердился: из ставки командующего в части, отобранные им для экспедиции, полетели приказы о немедленном выступлении. Все сомнения насчет намерений Вэбба рассеялись, и часа на два-три лагерь, оглашенный топотом бегущих ног, заполнили озабоченные лица. Новобранцы хватались за что попало, суетились и лишь замедляли сборы чрезмерным рвением, скрывавшим некоторую тревогу; опытные ветераны снаряжались в путь с серьезностью, исключавшей какую бы то ни было спешку, хотя их посуровившие черты и озабоченный взгляд достаточно явственно свидетельствовали, что они не так уж сильно рвутся в еще незнакомые им чащи, где их ждут жестокие схватки. Наконец солнце, озарив лучами дальние холмы на западе, скрылось за ними; ночь окутала пустынную местность своим покровом, и шум сборов постепенно утих; в бревенчатых офицерских хижинах погас последний свет; на горы и журчащий поток легли сгустившиеся тени деревьев, и вскоре в лагере воцарилась та же глубокая тишина, что и в окружавших его бескрайних лесах.

В соответствии с отданным накануне приказом солдаты были вырваны из тяжелого сна грохотом барабанов,